

Баконина Марианна Станиславовна*, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра Ближнего и Среднего Востока РИСИ.

Афганские войны: стратегическая недооценка¹

Соглашение о мире с движением, а точнее, с шурой "Талибан" было подписано в Дохе 29 февраля 2020 г. и считается главным внешнеполитическим достижением администрации Д. Трампа на Ближнем и Среднем Востоке. Однако заключение мира никак не сказалось на ситуации в Афганистане, где в провинциях продолжают атаковать талибов на базы правительственных вооружённых сил и полиции².

Очевидный провал мирного соглашения обусловлен прежде всего неверной оценкой природы и характера конфликта, в который США втянуты с 2001 г. С начала операции "Несокрушимая свобода" (Enduring Freedom), которая переросла в самую длительную войну в американской истории, в Пентагоне рассматривали боевые действия в Афганистане как бинарное противостояние между террористическим исламистским движением "Талибан" и Международными силами содействия безопасности (International Security Assistance Force – ISAF) при поддержке "Северного альянса", а потом нового правительства Афганистана. На деле же конфликт был и остаётся куда более сложным и гораздо менее идеологизированным, чем это принято считать. Локальные факторы в этом противостоянии играют куда большую роль, а многое происходящее "на земле", на микроуровне никак не соотносится с общей направленностью конфликта и стратегическими целями, которые ставили перед собой внешние силы, в данном случае командование ISAF.

Это прекрасно иллюстрирует проведённое в 2013–2014 гг., но актуальное и сегодня исследование Майка Мартина "Личная война: устная история конфликта в Гильменде". В книге описывается гражданское противостояние на территории этой южной провинции Афганистана с 1978 по 2012 г. Причём в этом научном труде примечательно всё – от личности автора и метода "устной истории", использованного для изучения конфликта в Гильменде, до попытки Министерства обороны Великобритании запретить его публикацию³ и редкого в наши дни переиздания академического исследования в 2018 г., что тоже свидетельствует о его значимости в настоящее время.

* marianna25@mail.ru

¹ Рецензия на книгу: *Martin M. An Intimate War : An Oral History of the Helmand Conflict, 1978–2012* / Mike Martin. N.Y. : Oxford University Press, 2014. 325 p.

² *Mashal M., Rahim N. Taliban Attack Afghanistan Amid Growing Coronavirus Threat* // The New York Times. 2020. March, 28. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/28/world/asia/taliban-afghanistan-coronavirus.html> (дата обращения: 30.03.2020).

³ Министерство обороны Великобритании пыталось запретить издание, ссылаясь на содержащуюся там якобы секретную информацию, однако автор выиграл иск в суде.

Биолог по образованию М. Мартин, служивший офицером-контрактником в составе британских подразделений ISAF в Гильменде, убедил командование, что для адекватной оценки военно-политической ситуации в провинции необходимо глубокое понимание местных обычаев, культуры, социальных связей и экономических интересов внутри местных общин. При поддержке Министерства обороны он прошёл углублённый курс языка пушту⁴ и несколько лет был советником командиров сил специального назначения "Гильменд" в составе ISAF, помогая им выстраивать отношения с местным населением. Он также разработал программу "культурного взаимодействия" армии с местными жителями с учётом гильмендской специфики. С помощью Министерства обороны уже после демобилизации М. Мартину удалось собрать материал для своей докторской диссертации в области военных наук, которую он защитил в Королевском колледже Лондона. Диссертация впоследствии была переработана в монографию "Личная война...".

Книга представляет собой сравнительный анализ 150 интервью, взятых у представителей разных слоёв гильмендского сообщества – непосредственных участников и очевидцев событий последних 35 лет. Такой подход позволяет автору реконструировать подробную историю воюющей провинции и выявить факторы, определяющие бесплодность всех усилий по умиротворению Афганистана в целом и Гильменда в частности.

Метод "устной истории", который использовал М. Мартин для воссоздания событий войны в Гильменде, применялся ещё в XIX в., но широкое распространение получил во второй половине XX в. после публикации работ профессора Колумбийского университета Аллана Невинса⁵. "Устная история", вероятно, единственно возможный способ, позволяющий восстановить картину десятилетий противостояния в одной из провинций Афганистана, где бо́льшая часть населения неграмотна.

Однако сама методика сбора информации и её последующая интерпретация создают для исследователя определённые трудности. Поскольку каждый рассказчик моделирует прошлое в соответствии со своим мировоззрением, политическими и культурными установками, особенностями биографии и социальной роли, психологическим настроением и психическим состоянием, то учёный должен быть предельно аккуратен и критичен при обработке интервью.

Автор "Личной войны..." отдавал себе отчёт в том, что его собеседники в значительной степени могут манипулировать информацией⁶, которую они предоставляют "человеку из чуждого мира". Речь идёт не только об ответах, желательных для интервьюера. Так, жители Гильменда критиковали англичанину талибов, полагая, что западному исследователю хочется

⁴ М. Мартин изучал язык 15 месяцев, тогда как обычно британские военные переводчики готовятся на курсах длительностью 10 недель.

⁵ А. Невинс в 1948 г. написал ряд работ, посвящённых пионерам сейсмологических и морских геофизических исследований в США, используя метод "устной истории". Сейчас он широко применяется историками науки, военными историками, исследователями бесписьменных сообществ. См.: Oral History Archives // The Columbia Center for Oral History (CCOH). URL: <https://library.columbia.edu/libraries/ccoh.html> (дата обращения: 20.01.2020).

⁶ *Martin M. An Intimate War... P. 38–39.*

услышать именно это. Однако, как пишет М. Мартин, углублённые расспросы показали, что при правлении талибов в регионе была установлена относительная стабильность и снизился уровень преступности. Жёсткое внедрение законов шариата жителей Гильменда не смущало: порки и отрубание рук за воровство воспринимались как должное, поскольку совпадали с традиционным племенным кодексом и не сильно отличались от того, что практиковалось при других командирах моджахедов до 1994 г.⁷

Автор также отмечает, что многие его собеседники стремились обелить себя, приукрасить роль своего клана или попросту получить выгодный контракт ISAF. Некоторые намеренно хотели дезинформировать человека, который хоть и говорит на их родном языке, но воспринимается как неверный и враг. М. Мартин указывает, что старался перепроверять информацию в ходе других интервью. Однако ему не всегда удаётся полностью отфильтровать то, что историки называют "произволом рассказчика", возможно, в силу его собственной предвзятости.

Так, в исследование включено несколько "матричных текстов", где респонденты выдают за своё мнение, переживание или личное свидетельство стандартный нарратив, который они усвоили и считают собственным мнением или даже впечатлением. Например, автор описывает то, что он именуется "резня в Хушал-Калай, уезд Над-е Али"⁸, которая якобы имела место 10 октября 1981 г. – во второй день Ид аль-Адха⁹. М. Мартин цитирует слова нескольких респондентов, один из которых даже заявил, что якобы был в этой деревне через несколько дней после события.

По их словам, некое подразделение Советской армии, которое они называли "сейяра саракува"¹⁰, устроило в деревне карательную акцию: согнали на площадь местных жителей и расстреляли их, потом деревня была зачищена от тех, кто успел спрятаться, а женщины подверглись изнасилованиям. Всего будто бы было убито более 200 человек. Трупы долгое время лежали непогребёнными, а хоронили жертвы в могилах по четверо¹¹.

Автор книги отмечает, что его респонденты не смогли назвать причину карательной акции. Точнее, указывали разные причины резни: то ли это была месть за убийство советского полковника под Шин-Калаем, то ли наказание за отказ оправлять новобранцев в армию, то ли решение зачистить в деревне большое количество моджахедов.

Обращает на себя внимание, что при обилии душераздирающих подробностей никто из рассказчиков не знал и не сумел назвать имена и родо-племенную принадлежность погибших во время этих событий. М. Мартин также пишет, что в западной прессе, которая цеплялась за любую возможность рассказать о зверствах коммунистов и Советской армии в Афганистане, нет даже упоминания о событиях в Хушал-Калае.

⁷ *Martin M. An Intimate War...* P. 98.

⁸ "Massacre in Khwashal Kalay, Nad-e Ali".

⁹ Мусульманский праздник, знаменующий окончание хаджа. Отмечается в день жертвоприношения пророка Ибрахима. – *Прим. ред.*

¹⁰ *Seyara sarakuwa* – М. Мартин не смог расшифровать это словосочетание. Возможно, имеется в виду "мобильный красный отряд", в смысле десант Красной армии, от *sayara* (пушту) – планета, передвижение, используется как словоформа для понятия "полевой госпиталь" или "полевая кухня", *sra* (пушту) – красная, *quwa* (пушту) – силы.

¹¹ *Martin M. An Intimate War...* P. 75–76.

Тем не менее он приводит в книге описание якобы произошедшего как не подлежащий сомнению факт, что говорит о том, что при всей декларируемой объективности ему не удалось избежать штампов и стереотипов.

В рассказах местных жителей нейтрального исследователя прежде всего должна была насторожить невероятная кинематографичность повествования. Все респонденты словно пересказывали сцену из фильма. Как упоминает сам автор, эти "суровые гильмендцы бесстрастно описывали в деталях ничуть не менее ужасные происшествия", в то время как при пересказе событий в Хушал-Калае "у них на глаза наворачивались слёзы и срывалось дыхание".

Опрошенные российские ветераны войны в Афганистане единодушно называют описание "резни", приведённое в монографии М. Мартина, пропагандой и абсолютным вымыслом. Алексей Чикишев, участник боевых действий в Демократической Республике Афганистан и автор книги "Спецназ в Афганистане", подчёркивает: "Это полностью противоречит тактике, которую использовали части и подразделения ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Жертвы среди мирного населения во время операций, несомненно, были, но представить себе целенаправленную и показательную карательную акцию совершенно немыслимо. Советские солдаты отдавались под суд и приговаривались к тюремному заключению даже за расстрел пленных душманов. Тем более трудно допустить, что кому-то удалось много лет держать в тайне массовый расстрел местного населения, а среди советских военных даже слухов о подобном не было".

Скорее всего, М. Мартин столкнулся с типичным "матричным текстом". Моджахеды, а вслед за ними и другие жители Гильменда много лет с ужасом и гневом передавали из уст в уста описанный кем-то фрагмент из голливудского блокбастера, поэтому в рассказе, с одной стороны, много выразительных деталей, например "хоронили в могилах по четверо", а с другой стороны, никто не может назвать имена родственников убитых жителей деревни. "Матрица" стала легендой, элементом локальной трагической истории, поэтому её пересказывают с трепетом даже хладнокровные воины.

Этот пример показывает, что автор книги не всегда в должной мере критично подходил к собранной им информации. Однако в целом это не дискредитирует полученные им сведения и его основные выводы относительно природы конфликта в Гильменде.

К аналогичным доводам в своё время интуитивно пришли представители ограниченного контингента советских войск: "На сотрудничество охотно шли некоторые кланы и семьи, испытывающие потребность во временном союзе с советскими войсками для решения своих проблем. Например, у какого-нибудь клана нет достаточных сил, чтобы разделаться с конкурентами или недругами из соседнего кишлака. В этом случае они поставляют спецназу данные, что в соседнем кишлаке постоянно размещается отряд моджахедов. Более того, они готовы дать своих проводников или даже боевиков для непосредственного участия в акции"¹². Точно так же гильмендцы вели дела с британскими подразделениями ISAF.

¹² См.: Чикишев А. Спецназ в Афганистане. М.: Олма-пресс, 2004.

К несомненным достоинствам книги можно отнести Приложение, занимающее почти половину её объёма. Собственно критическое изложение интервью дополнено кратким очерком истории Гильменда, хронологической таблицей событий, оказавших влияние на новейшую историю провинции, картами региона, генеалогическими диаграммами и родословными местных пуштунских племён, а также списками провинциальных гражданских и военных чиновников разных уровней, занимавших те или иные посты в самой провинции от имени правительства в Кабуле с 1978 по 2012 г.¹³

Эти материалы прекрасно демонстрируют, какие именно местные властные группы боролись и борются за расширение сфер влияния, лоббируют назначение своих людей на важные посты в провинции и делегируют представителей кланов в центральные органы власти в Кабуле для продвижения местных интересов. Эта стратегия остаётся неизменной. Так было во времена правления Бабрака Кармаля, Мохаммада Наджибуллы, Бурхануддина Раббани или муллы Омара.

Это дополняет основной вывод, к которому пришёл М. Мартин после критического анализа многочисленных интервью: какой бы идеологический нарратив ни определял с точки зрения внешних игроков характер войны в Гильменде, местные жители воспринимают её как продолжающуюся гражданскую войну, цепочку локальных конфликтов, возникших из-за контроля над водными ресурсами или торговыми путями, передела земель, споров за наследство или кровной мести.

Сторонние наблюдатели смотрели на эти события как на идеологически мотивированные войны – сопротивление моджахедов коммунистическому безбожному режиму в Кабуле в 1979 г. или противостояние признанного международным сообществом правительства в Кабуле и боевиков движения "Талибан"¹⁴ с 2001 г. То есть конфликт рассматривался как борьба с повстанцами, тогда как местные участники событий вели свои собственные войны, никак не связанные с тем, что происходило в столице и тем более далеко за пределами страны.

В ставшей классической книге Статиса Каливаса "Логика насилия на гражданской войне"¹⁵ указывалось, что "в рамках гражданских войн имеют место действия на микроуровне, мало соотносимые с общей направленностью конфликта". То есть гражданская война не просто политизирует частную жизнь, напротив, она действует в обратном направлении – приватизирует политику. Как отмечал С. Каливас, гражданская война часто трансформирует местные и личные обиды в насилие со смертельным исходом.

Однако М. Мартин приходит к выводу о том, что в Гильменде, где традиционными центрами власти являются племя и религия, местные лидеры выбирают ту или иную сторону в гражданском конфликте, исходя из интересов своего клана, прежде всего для того, чтобы получить доступ к финансированию и ресурсам. Таким образом, в 1980-е гг. соперничавшие

¹³ *Martin M.* An Intimate War... P. 21–31, 221–237.

¹⁴ *Ibid.* P. 34–35.

¹⁵ *Kalyvas S.* The Logic of Violence in Civil War. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 488 p.

в Гильменде кланы использовали проправительственные силы и исламистские партии "Хезб-е Ислами" и "Джамият-е Ислами" в целях получения оружия и финансов для ведения межплеменной борьбы. Правительственная служба безопасности Демократической Республики Афганистан (ХАД) поддерживала в Гильменде контакты со всеми местными группировками моджахедов, представлявшими обе партии, и манипулировала ими. Иногда, ради обеспечения интересов клана, ряд его членов примыкал к отрядам моджахедов, а другие в то же самое время служили "коммунистическому" правительству¹⁶.

Спустя 35 лет те же кланы использовали контингент ISAF для сведения счётов с противниками, усиления своего влияния и вытеснения конкурентов. Самым обычным явлением стала продажа информации. Так, после введения ISAF практики выплат вознаграждений за сведения о местонахождении "талибов" местные жители просто доносили на членов враждебного клана или даже невинного соседа, чтобы захватить его собственность, а затем с радостью наблюдали, как их старых врагов отправляют в американский лагерь Гуантанамо или в тюрьму в Баграме¹⁷.

Выводы, сделанные автором, свидетельствуют преимущественно о племенной структуре афганского социума и не утратили своей значимости в настоящее время. Движение "Талибан", с которым было подписано соглашение в Дохе, для местных акторов в Гильменде является внешним игроком и потенциальным источником ресурсов. Так же как правительство в Кабуле или контингент ISAF, местные игроки используют талибов для решения собственных задач и обеспечения интересов своих кланов. Договор же, подписанный в Дохе, – ничего для них не значащая бумага.

Умиротворение Афганистана, где роль племенных образований крайне велика, определяется тем, как центральная власть (неважно, талибы или правительство), находящаяся в Кабуле, сумеет обеспечить баланс интересов с сильными локальными акторами в разных провинциях страны. Кроме того, очень значима способность центра надлежащим образом разделить с местными лидерами ответственность и полномочия.

Известный востоковед Оливье Руа отметил, что "Личная война..." – лучшая книга, когда-либо написанная об Афганистане. Стоит добавить, что исследование М. Мартина чрезвычайно полезно и для лучшего понимания любых гражданских конфликтов в третьем мире, где конвенциональные государства традиционно существуют параллельно с другими центрами власти, племенными или религиозными. Восстановление мира и поддержание стабильности в таких социумах критически зависит от умения уравнивать политические и экономические интересы центра и регионов, о чём свидетельствуют выводы рецензируемой работы.

Ключевые слова: *США – Афганистан – провинция Гильменд – гражданский конфликт – кланы – племенные образования – талибы – финансы – ресурсы.*

Keywords: *the USA – Afghanistan – Helmand province – civil conflict – clans – tribal entities – the Taliban – finance – resources.*

¹⁶ *Martin M. An Intimate War... P. 65–66.*

¹⁷ *Ibid. P. 114.*